

ЕЩЕ О ПУШКИНЕ И «МОСКОВСКОМ ВЕСТНИКЕ»

В одной из последних коллективных монографий, посвященной творчеству Пушкина и носящей подзаголовок «Итоги и проблемы изучения», справедливо говорится в связи с обзором работ на тему «Пушкин и «Московский Вестник»: «Вопрос об общественно-политических предпосылках союза Пушкина с любомудрами до сих пор является предметом дискуссий»¹. К этому можно было бы добавить: с некоторых пор дискуссии эти стали приобретать довольно односторонний характер. Односторонний настолько, что они потеряли даже вид спора и несогласия. Между тем дискутировать есть о чем, и в подходе к этому вопросу в научной литературе не все до конца представляется ясным и убедительным.

Вот что писалось в послевоенные годы по поводу участия Пушкина в журнале «Московский Вестник»:

А. И. Комаров — «В сущности говоря, «Московский Вестник» шел по дороге литературного развития, противоположной пушкинской...» «...Как бы ни понимали смысл своих выступлений против пушкинского направления в русской поэзии сами литераторы «Московского Вестника», на деле это было, конечно, вовсе не столкновение «поэзии мысли» с «поэзией выражения». На деле это было одно из проявлений борьбы любомудров против ясной реалистической поэзии... за туманную, романтическую поэзию, руководствующуюся принципом «чистого искусства»².

Ф. З. Канунова — «...Приняв же участие в «Московском Вестнике», Пушкин больше всех спорил и полемизировал именно с Шевыревым, подвергая резкой критике

¹ Пушкин. Итоги и проблемы изучения, изд. «Наука», М.—Л., 1966, с. 214.

² Очерки по истории русской журналистики и критики, т. I, изд. ЛГУ, Л., 1950, с. 307. (Глава IX. «Московский Вестник».)

умозрительные идеалистические статьи журнала, принадлежащие прежде всего Шевыреву...

...вступая во временный союз с любомудрами, Пушкин прежде всего рассчитывал на помощь Веневитинова и некоторых его товарищей. Участию же Погодина и Шевырева Пушкин придавал очень небольшое значение...

...Эти взгляды Шевырева и некоторых других участников «Московского Вестника» на литературу как на средство, уводящее от жизни и примиряющее с противоречиями действительности, глубоко противоречили исходным литературным взглядам Пушкина, для которого литература всегда являлась средством революционного вмешательства в жизнь»³.

Л. Я. Гинзбург — «С достаточной ясностью установлено, что Пушкин и литераторы, группировавшиеся вокруг «Московского Вестника», придерживались различных, отчасти даже враждебных взглядов, что кратковременное, в 1826—27 годах, сближение Пушкина с группой «Московского Вестника» вызвано было с той и с другой стороны соображениями тактического порядка, условиями литературной борьбы 20-х гг.»⁴.

Все приведенные высказывания, разные по своим достоинствам, сходны, однако, в своем направлении, в своих смысловых акцентах. В них очень заметна тенденция как-то отгородить Пушкина от любомудров, противопоставить Пушкина им, во что бы то ни стало отыскать противоречия, подчеркнуть несходство взглядов⁵. Справедливо ли это и не противоречит ли такая тенденция не только фактам, но и отчасти прямой логике?

Напомню в самых общих чертах предисторию журнала «Московский Вестник». Осенью 1826 года Пушкин приезжает из Михайловского в Москву. «Москва приняла его с восторгом. Везде его носили на руках», — вспоминал впоследствии Шевырев⁶. Здесь, в Москве, сначала у П. А. Вяземского, а за-

³ Ф. З. Канунов а. Пушкин и «Московский Вестник». — «Ученые записки Томского государственного университета», № 16, Томск, 1951, с. 96—100.

⁴ Л. Я. Гинзбург. Пушкин и лирический герой романтизма. — Пушкин. Исследования и материалы, т. IV, М.—Л., 1962 с. 147. (Делая свой вывод, Л. Я. Гинзбург ссылается на статью о поэзии Шевырева, написанную в 1939 г. М. И. Аронсоном, — впрочем, без достаточных оснований).

⁵ Из послевоенных работ о Пушкине в этом смысле особняком стоит книга И. В. Сергиевского «А. С. Пушкин» (М., 1950). Позиция Сергиевского по интересующему нас вопросу во многом противоположна только что изложенным. Однако специально вопросом о Пушкине и «Московском Вестнике» Сергиевский не занимался и в соответствующем разделе книги во многом повторил точку зрения Аронсона, как она изложена в его статье 1936 г. «Конрад Валленрод» и «Полтава».

⁶ С. П. Шевырев. Воспоминания о Пушкине, 1850 г. — Рукопись, ИРЛИ, ф. 244.

тем в доме Веневитиновых он читал своего «Бориса Годунова». На чтении у Веневитиновых присутствовали братья Киреевские, Хомяков, Погодин, Шевырев, Рожалин. Состоялось знакомство Пушкина с молодыми московскими литераторами-любомудрами. Видимо, там же и тогда же Пушкин узнал о намерении любомудров издавать свой журнал, приветствовал это намерение, обещал сотрудничество и помощь, а спустя несколько дней, познакомившись с планом издания, дал журналу и свое прямое благословение. С Пушкиным заключается формальный договор о принципах сотрудничества. В декабре 1826 года в доме Хомякова, в присутствии Мицкевича и Баратынского, был торжественно отпразднован союз Пушкина с любомудрами и основание нового журнала. С января 1827 года журнал любомудров и Пушкина, названный «Московским Вестником», стал выходить в свет. Его редактором был Погодин. Главными сотрудниками, с одобрения которых печатались все статьи, были Шевырев, Титов, Веневитинов, Рожалин, Мальцев и Соболевский. В число сотрудников журнала, помимо любомудров, входили и старые друзья Пушкина, поэты пушкинской школы — Дельвиг, Козлов, Языков, Ф. Глинка, Туманский. Сам Пушкин печатает в журнале 29 лирических стихотворений, отрывок из «Бориса Годунова», «Графа Нулина», два отрывка из «Евгения Онегина». Об отношении Пушкина к журналу — по крайней мере в первые два года его существования — можно судить и по его письму к Погодину от 1 июля 1828 года: «Московский Вестник», конечно, будь сказано между нами, первый, единственный журнал на Святой Руси; должно терпением, добросовестностью, благородством и особенно настойчивостью оправдать ожидания истинных друзей словесности...»⁷.

Таковы известные факты. О чем они говорят? О сближении Пушкина с молодыми московскими литераторами во имя общего дела — создания нового журнала, о горячей заинтересованности Пушкина в журнале, об известной общности литературных планов и убеждений. Между тем, большинство современных исследователей пушкинского творчества, как только речь заходит о сближении Пушкина с любомудрами, спешат рассказать о том, почему их союз оказался непрочным, а иные готовы даже вовсе в нем усомниться. При этом в суждениях исследователей может и быть своя доля правды, но удивляет здесь явное смещение понятий, какая-то странная направленность внимания. Исследователи словно забывают, что *начинается* всякий союз во всяком случае не с несогласия, а с согласия; то, что должно стоять на втором плане,

⁷ А. С. Пушкин. Полное собр. сочин. в десяти томах, т. X, изд. АН СССР, М.—Л., 1951, с. 247.

у них оказывается самым важным, второстепенное заслоняет собою главное. Создается парадоксальное положение: мы являемся свидетелями некоего акта дружбы и, желая для себя уяснить ее истоки и причины, мы слышим в ответ: не верьте своим глазам, они вовсе не друзья, они враги, они не соглашались. Но почему же так нужно говорить о несогласии, о вражде — и говорить об этом даже прежде того, как стало известно, что привело все-таки к союзу?

Ответ на поставленный вопрос дать не очень трудно — но ответ этот лежит за пределами одних только фактов, относящихся к журналу «Московский Вестник» и деятельности Любомудров в 20-е годы. Дело в том — и об этом приходится говорить с сожалением, — что спокойному и положительному решению вопроса о характере литературных взаимоотношений Пушкина и Любомудров психологически мешает сложившаяся в науке предвзятость, своеобразная презумция политической «неполноценности» и вины, касающаяся многих Любомудров, и в особенности Шевырева и Погодина. Некоторые ученые — и среди них очень уважаемые — автоматически перенося оценку деятельности Шевырева, Погодина, отчасти Хомякова, Титова, Кошелева и др. в 40—60-е годы на годы 30-е и даже 20-е, заведомо и накрепко зачисляли их в разряд реакционеров, всегда и обязательно туманных романтиков, далеких от жизни шеллингианцев. А это, в свою очередь, заставляло — может быть, даже помимо сознания — всячески оберегать от них Пушкина (прогрессивность которого никогда и ни в чем не могла подвергаться сомнению), разъединять их, в целях такого разъединения односторонне толковать историко-литературные факты, излишне акцентировать одни, замалчивать другие.

Что именно так часто и происходило на деле, покажу на нескольких примерах. Нам уже известно утверждение Ф. З. Кануновой, что Пушкин не придавал большого значения участию в «Московском Вестнике» Погодина и Шевырева, что он резко критиковал статьи Шевырева, полемизировал с ним. Эти утверждения по меньшей мере не согласуются с действительностью. В действительности было совсем другое. Вот о чем свидетельствует Ксенофонт Полевой, представлявший враждебный Шевыреву лагерь и потому не заинтересованный в показаниях, сколько-нибудь идеализирующих его отношения с Пушкиным: «Он (Шевырев) принес Пушкину незадолго прежде напечатанную книжку «Об искусстве и художниках, размышления и проч.», изданную Тиком и переведенную с немецкого гг. Титовым, Мельгуновым и Шевыревым. Стихи, находящиеся в этой книге, были писаны последним, и Пушкин

начал горячо расхваливать их, вообще оказывая Шевыреву самое приятное расположение»⁸.

Еще более убедительны в этом же смысле свидетельства самого Пушкина. Он писал Погодину в известном нам письме от 1 июля 1828 года: «Честь и слава милому нашему Шевыреву. Вы прекрасно сделали, что напечатали письмо нашего германского патриарха. Оно, надеюсь, даст Шевыреву более весу во мнении общем. А того-то и надобно. Пора уму и знаниям вытеснить и Булгарина и Федорова»⁹.

В 1831 г., т. е. уже после предполагаемого разрыва Пушкина с литераторами «Московского Вестника», он так говорит Плетневу о Погодине и Шевыреве: «Погодин очень, очень дельный и честный молодой человек, истинный немец по чистой любви своей к науке, трудолюбию и умеренности. Его надобно поддержать, также и Шевырева, которого куда бы ни худо посадить на опустевшую кафедру Мерзлякова, доброго пьяницы, но ужасного невежды. Это была бы победа над университетом, т. е. над предрассудком и вандализмом»¹⁰.

А в «Путешествии из Москвы в Петербург», в последние годы своей жизни, Пушкин пишет: «Московская критика с честью отличается от петербургской. Шевырев, Киреевский, Погодин и другие написали несколько опытов, достойных стать наряду с лучшими статьями английских Reviews, между тем как петербургские судят о литературе как о музыке: о музыке как о политической экономии, т. е. наобум и как-нибудь, иногда впадут и остроумно, но большею частью неосновательно и поверхностно»¹¹.

Утверждения Кануновой, как видим, противоречат фактам, и их можно объяснить только известной литературоведческой инерцией, порожденной, в свою очередь, заведомой предвзятостью мнений.

Точно так же обстоит дело и с утверждением А. И. Комарова, что литераторы «Московского Вестника» боролись «против ясной реалистической поэзии» за «туманную романтическую поэзию, руководствующуюся принципом «чистого искусства». Можно ли это утверждение принять вполне и без всяких дальнейших разъяснений? есть ли вообще основания для столь резких и категорических выводов? Вот что писал любомудр И. Киреевский в самом начале 30-х годов: «...неужели в этом стремлении к жизни действительной нет своей особенной поэзии? Именно из того, что Жизнь вытесняет Поэзию, должны

⁸ К. А. Полевой. Из записок. — сб. «Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников», Л., 1936, с. 437.

⁹ А. С. Пушкин. Полное собр. соч. в десяти томах, т. 10, М.—Л., 1951, с. 247.

¹⁰ А. С. Пушкин. Там же, с. 344. (Письмо от 26 марта 1831 г.).

¹¹ А. С. Пушкин. Полное собр. соч., изд. АН СССР, М., 1949, т. II, с. 247—248.

мы заключить, что стремление к Жизни и к Поэзии сошлись и что, следовательно, час для поэта Жизни наступил»¹².

Несколько позже, в своих лекциях по истории поэзии, Шевырев говорил: «Жизни, жизни требует поэзия... Должно заранее вникать в эту жизнь, в эту природу. История и природа — две великие наставницы поэта. В них тайна поэзии. Их-то изучать надо»¹³.

Конечно, и приведенные высказывания тоже не дают права на окончательные суждения, но они во всяком случае заставляют усомниться в основательности выводов А. И. Комарова.

Противоречит утверждениям Комарова об антиреалистических тенденциях литераторов «Московского Вестника» и само содержание этого журнала. Первый номер его открывается отрывком из пушкинского «Бориса Годунова», сценой в келье Чудова монастыря. На страницах этого же номера «Монолог Фаустов» Веневитинова и пантеистическое стихотворение Хомякова «Заря». Первым номером как бы заявляются литературные вкусы журнала, и в нем мы не найдем ничего такого, что напоминало бы «туманную», антиреалистическую поэзию. Совсем нелегко обнаружить подобные произведения и в других номерах журнала. Там печатаются отрывки из «Евгения Онегина» и «Графа Нулина», стихотворения Пушкина «Женых», «Стансы», «Буря», «Золото и булат», «Зимняя дорога» и пр., отрывок из трагедии Хомякова «Ермак», «Русская разбойничья песня» Шевырева, его стихотворение «Мысль» (Пушкин назвал его «одним из замечательнейших стихотворений текущей словесности»), стихотворение Языкова «Тригорское», Туманского — «Кольцо» и т. д., и т. п. Показателен в этом же смысле и выбор писателей европейских для публикации в журнале: это Шиллер, с его высокой гражданственностью и сознательной тенденциозностью, это Байрон, это философская поэзия Гете и отрывки из его «Странствования Вильгельма Мейстера».

Еще один пример того же рода. В своей во многом очень интересной и богатой тонкими наблюдениями статье «Пушкин и лирический герой романтизма» Л. Я. Гинзбург решительно возражает тем ученым, которые факт помещения в «Московском Вестнике» трех пушкинских стихотворений на тему поэта истолковывали как «признак временного идейного сближения Пушкина с романтиками-любомудрами». Стремясь доказать ошибочность этой точки зрения, Л. Я. Гинзбург, со своей стороны, утверждает, что стихи Пушкина — и в частности, его

¹² И. Киреевский. Деятнадцатый век, — ж. «Европеец», 1832, № 1, с. 45.

¹³ «История поэзии. Чтения адъюнкта московского университета Степана Шевырева», том первый, изд. 2-е, Спб, 1887, с. 58—59.

стихотворение «Поэт» («Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон...») — не только не похожи на одностопные стихи Любомудров, но и прямо противоположны им по смыслу. В статье сопоставляется пушкинский «Поэт» с одноименным стихотворением Веневитинова («Тебе знаком ли, сын богов...» — помещено в № 5 «Моск. Вестн.» за 1827 г.) и с близкими по теме стихами Хомякова, и из этого сопоставления делается вывод: «Для Пушкина изображенный здесь творческий процесс — это нормальный творческий процесс (такова природа поэта, несовершенная, как природа каждого человека), тогда как для Хомякова подобное соотношение между поэтом и человеком невозможно или равносильно гибели поэта. Вот что дает нам право утверждать, что пушкинский «Поэт» содержит скрытую полемику с Любомудрами»¹⁴.

Вывод, который делает Л. Я. Гинзбург, очень неожиданный и очень смелый, но, вопреки ее собственному убеждению, едва ли правомерный. Полемический характер стихотворения Пушкина «Поэт» крайне сомнителен по многим основаниям. Приведу здесь некоторые:

1) Одноименные стихотворения Пушкина и Веневитинова (отчасти это относится к стихам на тему поэта Хомякова) несомненно в чем-то непохожи друг на друга, разные. Но так ли велика и принципиальна эта разница? В своем стихотворении Пушкин действительно говорит и о том, что поэт, как человек, несовершенен — но не в этом главная мысль стихотворения. Это лишь особый поворот темы, но не сама тема. Главное в стихотворении — утверждение высокого, гордого, независимого поэта, утверждение «божественной», высокой природы самого акта поэтического творчества — как раз очень близко Любомудрам и ни в коей мере не противоречит им. Но можно ли признать полемическим произведение, в котором основное внимание сосредоточено на общем, а не на различном?

2) Н. М. Рожалин, один из сотрудников «Московского Вестника» из числа Любомудров, так оценил стихотворение Пушкина «Поэт» в письме к С. А. Соболевскому: «Пушкин прислал нам две пьесы: отрывок из Онегина и еще мелкое стихотворение («Пока не требует поэта»), **очень хорошее...**»¹⁵.

Рожалину, следовательно, очень понравилось именно то стихотворение Пушкина, в котором современный нам исследователь увидел «скрытую полемику» против него и его друзей. Сам Рожалин этого не увидел, не увидели и другие Любомудры. Не кажется ли это странным? Да и какая цена полемике, которую смогли «обнаружить» лишь через многие десятки лет после того, когда она могла иметь хоть какой-то смысл и звучание?

¹⁴ Пушкин. Исследования и материалы, т. IV, М. — Л., 1962, с. 149.

¹⁵ Пушкин по документам архива С. А. Соболевского. — Литературное наследство, № 16—18, М., 1934, с. 733. (Письмо от 13 сентября 1827 г.).

3) В 1827 году, т. е. в том самом году, когда был написан пушкинский «Поэт», Хомяков написал стихотворение «Отзыв одной даме». Давно и справедливо было замечено, что стихотворение это очень напоминает одновременное пушкинское. И не только утверждением необычности поэта, высокой его природы и назначения, но и особым поворотом темы: проходят минуты вдохновения, и поэт становится как другие («Но вскоре слаб и утомлен и вихрем света увлечен, забыв высокие создания, то ловит темные мечтанья, то, как дитя, сквозь смутный сон, смеется и лепечет он»).

Любопытно, что, следуя Л. Я. Гинзбург и приложив известные усилия, можно было бы доказать, что названное стихотворение Хомякова, идейно перекликаясь со стихотворением Пушкина «Поэт», содержит в себе «скрытую полемику» не только против стихотворений на тему поэта Веневитинова, но и самого же Хомякова.

Очевидно, что разговор о полемическом характере стихотворения Пушкина не имеет под собой реальной почвы. Естественные (и далеко не принципиальные) различия в однотемных стихах Пушкина и любомудров сами по себе еще не дают оснований для утверждений о противоположности и даже враждебности их поэтических концепций. Видимо, желание «разъединить» Пушкина с любомудрами оказалось столь велико, что оно заставило даже большого ученого посмотреть на факты весьма пристрастными глазами. Разумеется, это пристрастие не было сознательным — но в таком случае оно особенно показательно и красноречиво.

Итак, мы могли убедиться на целом ряде примеров — а ряд этот легко можно было бы продолжить, — что в оценке любомудров ученые не всегда бывали справедливыми, не всегда объективно освещали факты, связанные с ними. Это, в свою очередь, приводило к натяжкам и в отношении Пушкина. Подобное положение заставляет нас еще раз попытаться осмыслить литературные и общественные взгляды писателей-любомудров в 20-е и в начале 30-х годов, дабы освободить наше представление о них от всего, что связано с предубеждением, постараться во всяком случае понять и узнать их прежде, нежели произносить о них окончательные суждения. Это необходимо сделать не только ради них самих, но и ради Пушкина.

Что же собою представляли так называемые «любомудры» в 20-е годы? Прежде всего, когда мы говорим о любомудрах, мы имеем в виду Веневитинова и Киреевских, В. Одоевского и Рожалина, Кошелева и Шевырева, Титова и Мельгунова. Близок к ним был и Погодин. Эту группу блестящих московских юношей многое между собою объединяло: увлечение литературой и литературные занятия в кружке Раича; философские интересы, изучение Шеллинга и Спинозы, собиравшие

многих из них на вечерах у В. Одоевского; служба в Московском Архиве иностранных дел, куда в 1825 году одновременно поступили И. Киреевский и Д. Веневитинов, Титов, Шевырев, Мельгунов и Кошелев. Все это были молодые люди хорошо образованные, независимые в своих суждениях, в известной мере оппозиционно настроенные. Кошелев и его товарищи по философскому кружку скептически относились к христианскому учению, которое казалось им «пригодным только для народных масс, а не для... Любомудров»¹⁶. В. Титов, позднее воспитатель будущего императора Александра III, в 20-е годы увлекается эллинистической культурой и одновременно исповедует атеизм¹⁷. Ив. Киреевский, Веневитинов, Рожалин и Кошелев толкуют о необходимости «произвести в России перемену в образе правления»¹⁸. Кошелев мечтает о наступлении для России «великого 1789 года»¹⁹. Д. Веневитинов и И. Киреевский, в надежде примкнуть в надлежащий момент к восставшим войскам, занимаются уроками фехтования и верховой езды²⁰ и т. д., и т. п.

Конечно, не следует преувеличивать оппозиционности и либерализма Любомудров. Многие в их поступках и речах носило следы книжного влияния, многое имело характер не столько политический, сколько нравственный и эстетический. Это были люди по кругу своему и по культуре близкие декабристам, но по возрасту (а отчасти и по темпераменту) не сумевшие ими стать — люди другого поколения и другого призыва. Они познакомились с декабристами слишком поздно²¹, незадолго перед тем, как те предстали перед историей в ореоле мученичества. И именно это обстоятельство произвело на Любомудров самое большое впечатление и оказало наибольшее воздействие. Они сочувствовали не столько взглядам декабристов, сколько им самим. Но сочувствовали все-таки декабристам, а не правительству.

А. И. Кошелев писал впоследствии об этом времени: «Этих дней, или, вернее сказать, этих месяцев (ибо такое положение продолжалось до назначения верховного суда, т. е., кажется, до апреля), кто их пережил, тот, конечно, никогда их не забудет. Мы, молодежь, менее страдали, чем волновались, и даже почти желали быть взятыми и тем стяжать и известность и мученический венец. Эти события нас, между собою знако-

¹⁶ Записки Александра Ивановича Кошелева, Berlin, 1884, с. 12.

¹⁷ Константин Бутенев. Владимир Павлович Титов. — «Русский архив», 1892, № 1, с. 88—91.

¹⁸ Записки Александра Ивановича Кошелева, с. 13.

¹⁹ См. там же, с. 14.

²⁰ См. «К биографии поэта Д. В. Веневитинова». — «Русский архив», 1885, № 1, с. 115.

²¹ См. рассказ Кошелева о встрече в феврале или марте 1825 г. с Рылевым, Пушиным и другими декабристами. — Записки А. И. Кошелева, с. 13.

мых, чрезвычайно сблизили и, быть может, укрепили ту дружбу, которая связывала Веневитиновых, Одоевского, Киреевского, Рожалина, Титова, Шевырева и меня»²².

Желание мученического венца, желание пострадать — это очень характерно для любомудров. Несомненно, что у них это романтическое желание, как романтическим, благородному книжным было и вообще их отношение к трагическим событиям Декабря. Но какова бы ни была природа их сочувствия декабристам, тот факт, что любомудры сочувствовали, как-то проявляли свою солидарность по отношению к восставшим, не мог не быть близким и Пушкину, не мог не вызывать у Пушкина определенной симпатии к молодым московским литераторам.

Среди других любомудров Шевырев не только занимал наиболее осторожную позицию, но и был среди них едва ли не самым «книжным» по своему характеру и по роду своих занятий. «Настоящий *homme de lettres*» назвал его позже П. А. Вяземский²³. Он никогда и ни в чем не проявлял темперамента борца за свободу. Более того, его позиция в 40, 50 и 60-е годы отличалась явной реакционностью, что дало основание Белинскому, а позже Добролюбову и Чернышевскому для резких о нем суждений. Но еще в середине 30-х годов тот же Белинский пишет о нем, как об «одном из замечательнейших литераторов наших»²⁴. Очевидно, что к Шевыреву 30-х годов, тем более годов 20-х, нельзя подходить с мерками более позднего времени. Конкретно-историческая оценка в этом случае особенно необходима. Ведь нас интересует не вообще Шевырев, а тот Шевырев, которого знал и с которым сблизился Пушкин.

В общественных воззрениях Шевырева 20-х и начала 30-х годов заметно бросается в глаза некоторый эстетический уклон, преобладание эстетических интересов. Эстетическое для него почти всегда оказывается на первом плане, хотя только эстетическим Шевырев в эти годы отнюдь не ограничивается. 7 марта 1829 года он записывает в своем Дневнике: «У меня родилась мысль написать Рассуждение об эстетической жизни народа, а особенно о степени развития оной у Русских. Если буду издавать журнал, то дело его будет — распространение жизни эстетической в России...»²⁵.

Шевырев приходит в восторг от того, как широко распро-

²² Записки Александра Ивановича Кошелева, с. 17. Ср. также замечание Погодина о следовании жен декабристов за своими мужьями в Сибирь: «Это делает честь веку». (Дневниковая запись 1827 г. — Н. Барсуков. Жизнь и труды Погодина, кн. 2-я, с. 32).

²³ См. С. П. Шевырев. Стихотворения, Л., 1939, с. VI.

²⁴ В. Г. Белинский. Литературные мечтания. — Полное собр. соч., изд. АН СССР, т. I, М., 1953, с. 77.

²⁵ Шевырев С. П. Дневник 1829—30 гг., Рукописный отдел Публичной библиотеки им. С. Щедрина, ф. 850, л. 2/об-3.

страняются эстетические понятия среди простого народа Италии: «В стране, где Аполл. Бельвед. и Вен. Мед., все лучшие произведения древности и новых времен, как у нас Казанская и Иверская, — там и на произведениях мелочного изделия, на утвари житейской видите следы форм изящных, великими художниками усвоенных народу. Какой выигрыш для жизни эстетической. Здесь за чашкою чая, за обедом можно учиться формам изящным! Здесь у простого народа можно найти слепки с Аполлона и Венеры!»²⁶.

У него возникает целая программа эстетического просвещения для своей страны, которую он называет «Проекты в Россию». Она включает в себя перевод на русский язык всех классиков греческих и римских, издание собрания театров: греческого, римского, испанского, итальянского, английского, немецкого, шведского, французского, польского и пр.; издание переводного собрания народных сказок с приложением сказок оригинальных и пр., и т. п.²⁷.

Он посылает своим друзьям-любомудрам проект эстетического музея и в ответ получает слова горячего одобрения. В приписке Муханова к письму М. П. Погодина Шевыреву говорится: «С восторгом читал ваше письмо из Рима. Проект эстетического музея в Москве — мысль счастливейшая... Наслаждайтесь и возвратитесь к нам скорее со всем изящным, которое столь необходимо для чистых радостей Москвы»²⁸.

Мысли о необходимости эстетического образования приводят Шевырева и к мыслям о необходимости свободы — в частности, свободы для русского крестьянина. Он записывает в дневнике под датой 7 марта 1829 г.: «У немцев гораздо более эстетической жизни, чем у русских: причина тому — свобода. У мужика русского никогда не увидите ни цветов, ни беседки для отдыха. Сад посадит он для плодов, которыми не пользуется, а оставляя себе пададь, лучшее продает; дерево, под которым отдыхал, он срубит на дрова или оглоблю; наконец, если и посадит что-нибудь в горшок, то не цветы, а разве лук. Всякое эстетическое наслаждение требует свободы, а у него все подавлено мыслию, что он ничего своего не имеет: что ж за наслаждение не для себя»²⁹.

У Шевырева это не случайное наблюдение и не случайный вывод. Мысль о необходимости свободы для народа его постоянно занимает, это для него «большая» мысль, он то и дело к ней возвращается. Так, 16 июня 1830 г. он записывает в дневнике: «...русский мужик раб, а раб не знает наслаждения изящным. Изящное вкушается душою свобод-

²⁶ Шевырев С. П. Дневник 1829—30 гг., запись от 11 июля.

²⁷ См. Шевырев. Записные книжки (дневники) 1830, рукоп. отдел Публич. библиотеки, ф. № 850, л. 85/об.

²⁸ Русский архив, 1882, книга третья, с. 145. (Письмо от 29 апреля 1830 г.).

²⁹ Дневник Шевырева, л. 2/об.

ной»³⁰. И в другом месте: «У русского мужика все минутно, все под секирою насилия. Долго ли это будет?»³¹.

Интересно, что даже те черты его воззрений, которые позднее у него развились в славянофильство почти официального толка, в 20-е годы выглядят как проявление просвещенного и гуманного патриотизма. «О, как велико назначение моего Отечества, — записывает он в эти годы в своем дневнике. — Не должен ли я радоваться тому и всякую минуту благодарить бога за то, что я родился русским. Я русский! Когда-то мои соотечественники скажут: мы русские! с тем же восторгом, с каким я теперь говорю это»³².

У молодого Шевырева не только сильная любовь к России, но и цельная концепция и этой любви, и самой России. Он пишет в том же дневнике: «Надо бы русских воспитывать в духе терпимости ко всему иноземному и в жаркой любви к отечественному. Кто соединит терпимость чужого с любовью к своему — тот истинно русский... Истина, добродетель, изящество — должны быть для всякого человека, а следовательно и для русского, выше его собственного эгоизма»³³. «Будем любить свое, — пишет он далее, — полагая его в истине, изяществе и добродетели, и будем беспристрастны к чужому. Русский да будет человеком по преимуществу, человеком с сознанием...»³⁴. «...Дух терпимости да будет русским духом»³⁵.

Нельзя сказать, что во всем этом был какой-то особый «прогрессивный» смысл, но все это было достаточно разумно, честно и поэтому вполне могло согласоваться со взглядами Пушкина. Даже лояльность к «власти верховной», которую защищал Шевырев, не могла вовсе оттолкнуть от него Пушкина второй половины 20-х годов, поскольку эта лояльность, по Шевыреву, должна была сочетаться с «разумным и терпеливым желанием свободы»³⁶.

Я остановился подробнее на Шевыреве и его воззрениях в 20-е и в начале 30-х годов сознательно и не без особой на то причины. В нашей науке сложилось такое положение, при котором одна только возможность хоть какого-то сближения Пушкина с Шевыревым вызывает у исследователей почти суеверный страх за Пушкина, потребность любыми путями очистить Пушкина от такого рода подозрений. Можно допустить, хотя и с оговорками, факт близости Пушкина с Веневитиновым, на крайний случай — с Киреевскими или Хомяко-

³⁰ Дневник Шевырева.

³¹ Там же.

³² Шевырев С. П. Дневник 1829—30 гг. (рукопись).

³³ Шевырев С. П. Записные книжки (дневники) 1830 г. Запись от 7 августа.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, запись от 27 октября

³⁶ Там же, л. 14. Запись от 7 августа.

вым, но никак не с Шевыревым! Мы старались показать, что, несмотря на определенную ограниченность воззрений Шевырева в 20-е годы, несмотря на отсутствие в них и тени революционности, для таких «страхов» нет оснований. В действительности ничто, ни в моральном, ни даже в политическом смысле, не мешало в середине 20-х годов Пушкину сблизиться с Шевыревым. Но если это было так с Шевыревым, то тем более это относится к товарищам Шевырева по любомудрию и «Московскому Вестнику». Несомненный интерес и симпатии, которые испытывал Пушкин по отношению к большинству молодых сотрудников журнала, ни в коей мере не чернят пушкинского имени перед историей, они не должны смущать и исследователей творчества Пушкина.

Московские молодые писатели, с которыми Пушкин объединился для создания нового журнала, были в большинстве своем умеренно-либеральные, честные, всегда независимые мыслители, несомненно одаренные в литературном отношении. Пушкина не могла не привлекать в них их влюбленность в поэзию, открытая и честная юность («собрались ребята теплые, упрямые», — писал о них Пушкин)³⁷, их страсть к положительному знанию. Конечно, это было далеко не все, чего Пушкин желал бы в идеале, но и этого было вполне достаточно в годы трагического безвременья.

Не одни только человеческие симпатии Пушкина к любомудрам сближали его с ними в пору создания «Московского Вестника», но и общая программа литературно-журнальной деятельности. Общая лишь до известной степени, лишь в приблизительном смысле. Естественно, что взгляды Пушкина и его молодых сотрудников по журналу не могли совпадать полностью: не всегда и не во всем совпадали литературные вкусы и оценки, разным было отношение к философии³⁸ и пр., но при этом точки соприкосновения и согласия все-таки преобладали. И главное, не было во взглядах и мнениях любомудров почти ничего такого, что принципиально, в основе своей было бы неприемлемо для Пушкина во второй половине 20-х годов.

В чем же принципиально сходились Пушкин и любомудры, когда они начали работать сообща в журнале «Московский Вестник»? Это прежде всего — общее признание первостепенности просветительских задач. В «Ответе издателя на письмо к нему, помещенное в 1 книжке Московского Вестника», говорится: «Московский Вестник издается не одним мною (Пого-

³⁷ См. письмо Пушкина к Дельвигу от 2 марта 1827 г. — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах, т. 10, М.—Л., 1951, с. 226.

³⁸ Погодин записывает в дневнике 4 марта 1827 г.: «Пушкин декларировал против философии, а я не мог возражать дельно и больше молчал, хотя очень уверен в нелепости того, что он говорил.» (Н. Барсуков. Жизнь и труды Погодина, кн. 2-я, с. 71).

динами), но многими занимающимися русской литературой, кой, быв движимы чистым усердием к общему благу, решились соединить свои усилия воедино при сем издании и принести общую жертву на алтарь отечественного просвещения»³⁹.

Конечно, в словах этой декларации слышится и дань известной традиции, слова эти — некая привычная для журнала формула. Но для издателей «Московского Вестника» это была не только формула. Задачи просвещения для них были действительно основными, главными задачами. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, что большинство сотрудников журнала вышло из кружка Раича, который «воспринимался его участниками прежде всего как средство для содействия просвещения в России»⁴⁰. В тяжелые годы для журнала Погдин пишет Шевыреву: «Не думай так много о Вестнике... Я одолею его один с товарищами, которые помогают мне усердно, но не оставляю его ни за что. Это орудие просвещения...»⁴¹. Для Шевырева не только журнал, но и литература в целом «важный участок народного просвещения»⁴². Он говорит о поэзии: «Поэзия есть предшественница почти всех наук; она возвращает первые семена образования, в последствии времени дарующие обильную жатву; она есть тихая, светлая заря просвещения»⁴³. О задачах истинного просвещения в России пишет Веневитинов в своей статье «О состоянии просвещения в России»; по существу о том же размышляет И. Киреевский в программной статье журнала «Европеец» — «Девятнадцатый век» и пр.

Как видим, проблемы просвещения на деле и притом постоянно волнуют любомудров. Мысль о первоочередной необходимости просвещения занимает и Пушкина — и особенно после драматических событий 1825 года. Пушкин приходит к этой мысли вне какой-либо зависимости от любомудров (кстати, еще прежде, чем их узнал) — но это не делает их сходство во взглядах менее значительным.

В известном документе, который Пушкин составил в 1826 году и который, будучи представлен молодому царю, вызвал со стороны последнего критику, было написано: «...одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия»⁴⁴. Не нужно доказывать, что эти

³⁹ «Московский Вестник», часть первая, 1827, № 2, с. 149.

⁴⁰ См. статью Н. В. Королевой: «Гютчев и Пушкин». — Пушкин. Исследования и материалы, т. IV, М. — Л., 1962, с. 199.

⁴¹ Письмо от 20 января 1830 г. — см. Русский архив, 1882, кн. 3, с. 128.

⁴² См. М. Аронсон. «Конрад Валленрод» и «Полтава». — Пушкин. Временник пушкинской комиссии, 2, М. — Л., 1936, с. 49—50.

⁴³ Шевырев. Речь «О влиянии поэзии и красноречия на счастье гражданских обществ», — ж. «Вестник Европы», 1823, № 8, с. 257—258.

⁴⁴ А. С. Пушкин. О народном воспитании. — Полное собр. соч., изд. АН СССР, т. II, 1949, с. 44.

слова Пушкина звучали не как слова верноподданного, а как слова человека, больше всего дорожащего свободой и независимостью своих суждений.

О задачах просвещения говорят в это время и друзья Пушкина, притом друзья, которые прямого отношения к любомудрам не имели. Так, поэт Туманский писал Пушкину из Одессы 2 марта 1827 года — вскоре после выхода в свет первых номеров «Московского Вестника»: «Русская моя душа радуется, видя, что центр просвещения наконец переведен в Москву. Влияние этого отечественного города, отдаленного от двора, будет благоприятно для нашей словесности. Теперь уже московские журналы далеко обогнали петербургские. Не будь в бездействии, милый друг, и подстрекай тамошнюю молодежь к занятиям полезным. Не худо бы составить общество молодых людей для перевода хороших книг по части наук, искусств и политической экономии, особенно с немецкого и английского языков»⁴⁵.

Месяцем позже, в другом письме Пушкину, Туманский писал: «Как главного духа Московского Вестника порадую тебя известием, что у нас читают его с необыкновенным восхищением. Все, что есть порядочного в городе, прославляют тебя и Погодина...» И далее: «Сделай милость, любезный Пушкин, не забывая, что тебе на Руси предназначено играть ролю Вольтера (разумеется, в отношении к истинному просвещению). Твои связи, народность твоей славы, твоя голова, поселение твое в Москве — средоточии России, все дает тебе лестную возможность действовать на умы с успехом, гораздо обширнейшем против прочих литераторов»⁴⁶.

Итак, в одно время и к одной цели стремятся и об одном говорят и Пушкин, и его старые поэтические друзья, и его новые друзья по журналу. Согласие Пушкина и любомудров в вопросе просвещения представляется, таким образом, не случайным, а исторически обусловленным: оно характеризует общее согласие в этом вопросе всех честно и независимо мыслящих людей («всего, что есть порядочного» — как говорил Туманский).

Конечно — и это следует сразу же оговорить, — термин «просвещение» никогда не имел до конца определенного и постоянного содержания. Под него легко подводились далеко не тождественные точки зрения. Видимо, и в этом случае нельзя с уверенностью утверждать абсолютное единство взглядов на задачи просвещения Пушкина, с одной стороны, и любомудров — с другой. Однако, если и не было абсолютного единства, то было единство, достаточное для согласия.

⁴⁵ А. С. Пушкин. Полное собр. соч., АН СССР, т. 13, 1937, с. 322. (Разрядка в тексте письма моя, — Е. М.).

⁴⁶ А. С. Пушкин. Полное собр. соч., АН СССР, т. 13, 1937, с. 327.

В условиях николаевского царствования термин «просвещение» мог быть неопределенным по своему содержанию, но не по своей общественной значимости, не по своей эмоциональной и политической окраске. Здесь была полная определенность — и в частности, для правительства и его служителей. «По воцарении Николая, — писал историк Соловьев, — просвещение перестало быть заслугой, стало преступлением в глазах правительства»⁴⁷. О Николае широко распространена была молва, что он «меньше препятствует вывозу наличных денег, чем ввозу образования»⁴⁸. Известно письмо Бенкендорфа, в котором он так говорит об И. Киреевском: «...стоит обратиться только некоторое внимание, чтобы видеть, чтобы сочинитель, рассуждая будто бы о литературе, понимает совсем иное: что под словом просвещение он понимает свободу, что деятельность разума означает у него революцию, а искусно отысканная середина не что иное, как конституция...»⁴⁹. Несомненно, что лозунг просвещения правительству казался почти столь же опасным, как и лозунг свободы. Нюансы при этом в расчет не принимались. Под знаменем просвещения во всяком случае объединялись не верноподданные, а независимые и даже оппозиционные силы⁵⁰.

Другим пунктом согласия в программе Пушкина и Любомудров был особенный интерес с той и с другой стороны к началу народному в поэтическом творчестве. Известно, что этот интерес у Пушкина с особою силою намечается к середине 20-х годов, незадолго до декабрьских событий и еще больше — после них. Так, в 1824—26 гг. в Михайловском он увлеченно

⁴⁷ См. Записки С. М. Соловьева. — «Вестник Европы» 1907, т. III, с. 43.

⁴⁸ См. Письма и записки Георга-Фридриха Паррота к императорам Александру I и Николаю I. Письмо Николаю I от 8(20) марта 1839 г. — «Русская старина», 1895, апрель, с. 217.

⁴⁹ Письмо Бенкендорфа к кн. Ливену от 7 февраля 1832 г. — Мих. Лемке. Николаевские жандармы и литература. 1826—1855 гг., изд. Бунина, 1908, с. 73. (Разрядка в тексте цитаты моя. — Е. М.).

⁵⁰ Знаменательно в этом смысле, что в официальных жандармских бумагах сотрудники «Московского Вестника» аттестовались чаще всего как люди в политическом отношении опасные. Так, в одном из доносов рукою Фон-Фока было написано: «В С-Петербург прибыл из Москвы издатель «Московского Вестника» Погодин. Он только по имени издатель... Главные начальники сей редакции суть: Соболевский, Титов, Мальцов, Полторацкий, Шевырев, Рагозин и еще несколько истинно бешеных либералов...». — Мих. Лемке, с. 40.

В другой записке Фон-Фока («Секретная газета») писалось: «В Москве опять составила партия для издания Газеты политической, ежедневной, под названием Утренний Листок. Хотя издавать или с нынешнего года с июня или с 1 января 1829. Главные издатели суть те же самые, которые замыслили в конце прошлого года овладеть общим мнением для политических видов... Все эти издатели по многим отношениям весьма подозрительны, ибо явно проповедают либерализм. Ныне известно, что партию составляют князь Вяземский, Пушкин, Титов, Шевырев, князь Одоевский, два Киреевские и еще несколько отчаянных юношей». (Модзалевский. Пушкин под тайным надзором. Спб, 1922, с. 45).

занимается собиранием фольклора, записывает много народных песен и сказок. Работа Пушкина над «Борисом Годуновым», относящаяся к этим годам, проходит под знаком постоянных раздумий над судьбами народа и ролью народа в исторической жизни. В своих статьях и заметках этого времени он особенно часто обращается к проблемам народности литературы, и в частности, языка литературы. Он пишет: «Вслушайтесь в простонародное наречие, молодые писатели, вы в нем можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах»⁵¹. И в другом месте: «В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча произведениями искусства, ограниченным кругом языка условного, обращаются к свежим вымыслам народным...»⁵² и т. д., и т. п.

Интерес к народности в искусстве и к народному искусству в большой мере характерен и для молодых московских литераторов, сотрудников «Московского Вестника». Для некоторых из них Пушкин в этом отношении был прямым учителем. По свидетельству Н. С. Тихонравова, Шевырев признавался: «Беседы с Пушкиным о поэзии и русских песнях..., чтение Пушкиным этих песен наизусть принадлежит к числу тех плодотворных впечатлений, которые содействовали образованию моего вкуса и развитию во мне истинных понятий о поэзии»⁵³.

В теоретических и историко-литературных трудах Шевырева проблеме народности отводится значительное место. Шевырев позже скажет в своей «Истории поэзии»: «Счастлив поэт, если та эпоха, которую он воспеваает, есть плод жизни его собственного народа. Тогда в нем человечество и народ его сливается воедино; мир идеальный и действительный для него — одно и то же; поэзия и жизнь обнимается в душе его — и он как поэт венчает в себе гражданина: двойное торжество, двойная жизнь и поэзия!»⁵⁴. С точки зрения народности будет оценивать Шевырев значение русских писателей: «...мы можем разделить всех писателей русских на таких, которые исключительно подвергались влиянию иноземному, не приемля в себя стихии народной, и на тех, которые при умеренном подражании образцам иноземным отвечали своему народу и времени. Рабские подражатели навсегда умерли и забыты... но Ломоносов, Державин, Фонвизин, Хемницер, Дмитриев, Карамзин, Крылов, Жуковский, Пушкин и другие будут всегда нашей собственностью национальной»⁵⁵.

⁵¹ Пушкин. Возражение на статью «Атенея». — Полное собр. соч. в десяти томах, т. 7, М.—Л., 1951, с. 77.

⁵² Пушкин. О поэтическом слого. — Там же, с. 80—81.

⁵³ См. Л. Майков. Историко-литературные очерки. Спб. 1895. с. 186.

⁵⁴ Шевырев. История поэзии, том первый, изд. 2-е. Спб., 1887, с. 66.

⁵⁵ Шевырев. Общее обозрение развития русской словесности. (Б-ка Пушкинского дома), с. 37. Ср. с этим высказывания близкого к Любомудрам Хомякова: «Художник не творит собственною своею силою: духовная сила

Вопросам народности уделяется первостепенное внимание и на страницах «Московского Вестника». Так, сочувственно встретив выход в свет сборника малороссийских песен, изданных Максимовичем, Шевырев, ведущий критик журнала, писал в критической заметке на эту тему: «Народные песни лучшим образом доказывают, что в лирическом роде поэзии, более нежели в других родах оной, выражается дух народа, т. е. образ его мыслей и чувствований»⁵⁶. Еще показательнее то значение, которое придают издатели журнала трагедии Пушкина «Борис Годунов», и основания, по которым они так высоко ценят эту трагедию. В «Обзрении русской словесности за 1827 год», помещенном в номере первом журнала за 1828 год, вот что говорится по этому поводу: «Но всего важнее, всего утешительнее появление сцены из «Бориса Годунова» между Пименом и Григорием, которая сама в себе представляет целое, особое произведение... Это создание есть неотъемлемая собственность Поэта, и что еще отраднее — поэта русского, ибо характер Пимена носит на себе благородные черты народности»⁵⁷.

Несомненно сближало также Пушкина с любомудрами — хотя и в ограниченном смысле — требование историзма как в искусстве, так и в научных изучениях. О движении Пушкина к историзму, начиная с середины 20-х годов, уже достаточно писалось. Об этом, например, убедительно говорил Г. А. Гуковский в своей книге «Пушкин и русские романтики». «Неизбежно, — утверждал Гуковский, — Пушкин двигался к историзму, к погружению в проблему закономерностей народной жизни. Разочарование в революции интеллигентов и в субъективном пафосе не отбросило его ни в пессимизм, ни в консервативность. Он не сближался с Карамзиным или даже Жуковским, а отдалялся от них. Он искал ответа на субъективные сомнения в объективном бытии народа, и здесь он увидел реальную силу, ту самую, которая творит историю»⁵⁸.

Проблема историзма играет важную роль и в эстетических концепциях любомудров. Шевырев писал в своем дневнике: «В России, мне кажется, должно бы предпочитать методу историческую — и самую философию, если возможно, заключить в историю»⁵⁹. Позже тот же Шевырев скажет: «Наблюдая современный ход наук, нельзя не заметить преимущественного

народа творит в художнике»; «...народ, способный к художествам, не может лишиться иначе их развития, как утратив целость и здравие своей жизни» (статья «О возможности русской художественной школы»); «...везде и во все времена искусства были народными. Уже по одной аналогии нельзя думать, чтобы этот закон изменился для России» (там же).

⁵⁶ С. Шевырев. Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем. — «Московский Вестник», часть шестая, № 23.

⁵⁷ Моск. Вест., часть седьмая, № 1.

⁵⁸ Г. А. Гуковский. Пушкин и русские романтики. М., 1965, с. 349.

⁵⁹ Шевырев. Записные книжки, 1830. Запись 29 июля, (рукопись).

господства метод исторических в изложении и преподавании оных, особенно в тех науках, предметом которых есть человек, а не природа... знание наше тогда будет полно, когда философия поверится историей и обратно история согласится с философией. Пока история будет враждебно обличать философию в ее смелых начертаниях — не быть науке полной. Взаимная их дружба будет торжеством всех стремлений ума человеческого. Лучшие современные умы пекутся о водворении сей дружбы. Все уже сказали себе: Наука должна иметь душою Философию, телом — Историю»⁶⁰. И прямо о литературе: «...историческим изучением можно содействовать к восстановлению нашей литературы»⁶¹. Несомненно, что историзм, по справедливому утверждению Аронсона, был одной из сильных и положительных сторон эстетических воззрений Шевырева⁶².

Следует, однако, подчеркнуть, что интерес к проблеме историзма объединял Пушкина с его молодыми друзьями по журналу лишь самым внешним, поверхностным образом. Это тем более так, поскольку полное единодушие по этому вопросу трудно обнаружить и среди самих любомудров. Общность была в декларациях — но далеко не всегда по существу. Многие из писателей московской школы были и навсегда остались романтиками в своей литературной деятельности: как романтики они любили историю, интересовались ею, часто на нее ссылались — но понимали и толковали ее весьма произвольно, часто подчиняя и свое историческое видение, и даже самые факты своей вере, своему субъективному идеалу.

Может быть, особенно это заметно у Хомякова, и больше всего в его трудах по истории. В «Записках о всемирной истории» он так объясняет нашу хорошую осведомленность в Средних Веках: «Малейшие труды и несколько ясных поэтических умов познакомили нас с Средними веками так, что мы как будто в них жили, а древность сделалась загадочнее, чем когда-нибудь. Причина этому то, что мы душою (если хотите инстинктами) знали Средние века... Другая причина та, что Средними веками занялись не историки, а романисты, т. е. люди, которые добродушно угадывали прошедшее по современному и не считали себя в необходимости нанизывать в своих розысканиях год за год по хронологическому порядку»⁶³. У Хомякова сильная увлеченность историей прямо соседствует с принципиальным «антиисторизмом» в подходе к ней — и это в большей или меньшей степени характерно также для некоторых других литераторов из среды любомудров.

⁶⁰ Шевырев. История поэзии, т. I, изд. 2-е, Спб., 1887, с. 2.

⁶¹ Письмо Шевырева к Плетневу от 29/X 1846 г. — Рукопись ИРЛИ, ф. 234.

⁶² См. С. П. Шевырев. Стихотворения. «Сов. писатель», Л., 1939. Вступительная статья М. Аронсона, с. VIII—IX.

⁶³ Полное собр. соч. А. С. Хомякова, изд. 2-е, т. 3, М., 1882, с. 23.

Пушкин в этом отношении занимал позицию, прямо противоположную Хомякову и его друзьям. Но эта противоположность не сразу была видна, да и в 20-е годы она не вполне еще проявилась. Зато внешнее сходство, общий интерес к истории был очевиден. Его оказалось достаточным, чтобы не нарушить первоначального согласия, так же как не внешнего, а внутреннего, со временем усиливающегося различия было довольно, чтобы в будущем в русской литературе окончательно, творчески разошлись пушкинское, главное, реалистическое направление и та разновидность романтического направления, которая первоначально была представлена поэтами-любомудрами.

Особенный интерес для всякого изучающего журнал «Московский Вестник» представляет почти одновременное появление в журнале в чем-то сходных стихотворений о поэте и поэзии Пушкина и любомудров. Возникает вопрос: не проявилось ли в этом факте также известного согласия в мыслях и чувствах? Вопрос этот несомненно сложный, на него не так просто ответить: как мы уже отчасти знаем из приведенных здесь суждений Л. Я. Гинзбург, в науке на этот счет нет единого мнения.

Напомню некоторые факты. Тема поэта и его места в жизни — одна из ведущих и принципиальных тем практической и теоретической эстетики поэтов московской школы. Важная, ключевая роль, которая отводилась этой теме, подтверждается тем обстоятельством, что стихи о поэте в журнале «Московский Вестник» занимали одно из центральных мест. Так, в № 5 журнала за 1827 г. напечатано стихотворение Веневитинова «Поэт», в № 6 — его же «Жертвоприношение», в № 7 — «Поэт и друг» (в том же номере помещена статья В. Титова «О достоинстве поэта»), в № 15 А. Хомяков печатает свое стихотворение «Поэт», Языков в № 17 — «Прерванная дума поэта» и т. д., и т. п.

На страницах «Московского Вестника» и Пушкин печатает свои самые значительные произведения на эту тему 20-х годов: «Поэт», «Поэт и чернь», «Пророк». Эти стихи Пушкина высоко оцениваются его молодыми сотрудниками по журналу; они явно близки им по духу и настроению. А. С. Хомяков пишет И. С. Аксакову о стихотворении «Пророк» как о «бесспорно великолепнейшем произведении русской поэзии»⁶⁴; нам уже известен хвалебный отзыв о пушкинском стихотворении «Поэт» Рожалина⁶⁵.

Стихи о поэте Пушкина и любомудров были далеко не одинаковыми. Но не одинаковыми были и однотемные стихи самого Пушкина, как не повторяли друг друга Веневитинов и

⁶⁴ А. С. Хомяков. Сочинения, т. XIII, 1904, с. 366.

⁶⁵ См. примечание 15.

Хомяков, Хомяков и Шевырев. Между всеми стихами на тему поэта, напечатанными в «Московском Вестнике», была естественная разность, несходство — но и при всем различии, они были сходны и перекликались в чем-то очень существенном, очень важном: все они утверждали высокую роль и назначение поэта, необыкновенность и исключительность его призвания. Это одинаково относится к стихотворениям на эту тему Пушкина, и Веневитинова, и Хомякова, и Шевырева. Но если это так, то возникает необходимость выяснить: в чем же реальные истоки этого сходства и каков его объективный смысл?

В чем смысл стихотворений Пушкина на эту тему, с большей или меньшей определенностью выяснено и решено. Пушкин отстаивает независимость поэзии (и значит, свою собственную духовную независимость!), ее право на свой голос, на свое, неподчиненное место в жизни. В условиях трагической ситуации второй половины 20-х годов это было и естественно, и достаточно мужественно. В отличие от Пушкина, смысл стихотворений Любомудров о поэте до сих пор еще мало прояснен.

М. Аронсон, например, с заметным внутренним осуждением, видел в учении Любомудров об исключительности художника и вознесенности его «над низменной жизнью обывателей» **пассивность** протеста⁶⁶. Но какой еще, кроме пассивного, возможен был протест сразу же после декабрьских событий? И разве Пушкин своими стихотворениями о поэте, всем смыслом этих стихотворений протестовал активно?

Говоря о Любомудрах и разработке ими темы поэта и поэзии, указывают еще на связь их стихотворений с эстетическими и философскими воззрениями Шеллинга и немецких романтиков. Но простое указание на зависимость от немецкой романтической школы разве может что-нибудь объяснить по существу? По сути, даже если такое указание было бы вполне справедливо, оно не столько освещает вопрос, сколько уводит от него. Вопрос в основе своей так и остается нерешенным.

В шестом номере «Московского Вестника» за 1827 год было напечатано стихотворение Веневитинова «Жертвоприношение». Как и большинство стихотворений Веневитинова, оно носит концепционный характер. В нем не случайное построение, не просто мысль о жизни, а целая философия жизни. Не даром стихотворение это проблемно связано с другими философскими стихотворениями Веневитинова (например, со стихотворением «Жизнь») — да и не одного только Веневитинова.

⁶⁶ См. С. Н. Шевырев. Стихотворения. «Сов. писатель», Л., 1939. Вступительная статья М. Аронсона, с. VII.

В «Жертвоприношении» поэт говорит о жизни как о чем-то враждебном человеку — враждебном и трагедийном. Жизнь вообще, как ее понимает поэт, это ложь, обман. Но человеку, и человечеству в целом, дано то, что помогает если не реально, то духовно преодолеть эту ложь, бросить ей вызов. Это высокий человеческий мир мечты, идеальный, созданный по своим особым, человеческим законам, мир поэта. Человечество, по Веневитинову, духовно не обречено на безысходность, потому что у него есть поэзия.

Меня не тешит ложный сон,
Тебе мои скупые длани
Не принесут покорной дани,
Нет, я тебе не обречен.
Твоей пленительной изменой
Ты можешь в сердце поселить
Минутный огонь, раздор мгновенный,
Ланиты бледностью покрыть
И осенить печалью младость,
Отнять покой, беспечность, радость,
Но не отымешь ты, поверь,
Любви, надежды, вдохновений!
Нет! их спасет мой добрый гений,
И не мои они теперь.
Я посвящаю их отныне
Навек поэзии святой
И с страшной клятвой и мольбой
Кладу на жертвенник богине.

Философски понятая и осмысленная тема трагедийности жизни сливается у Веневитинова с темой поэта и поэзии. В сущности обе эти темы для него и в основе своей неразрывны, они в сознании его теснейшим образом связываются между собой. Притом связываются не прямо, не плоско, а по законам сложной, диалектической зависимости. Для Веневитинова жизнь и поэзия и неразрывны, и противостоят, и взаимно дополняют друг друга: именно в поэзии для него (как и вообще в искусстве) заключен как возможность вызов трагической безысходности существования, только в поэзии заключено нравственное и психологическое — т. е. духовное и сугубо для человека (не мир спасается, а человек в мире и от мира) — решение многих и самых «вечных» жизненных проблем. Вот почему тема поэта и поэзии, философски повернутая, ставшая органической частью общего мирозерцания, делается одной из основных тем как в творчестве Веневитинова, так и в творчестве других поэтов «московской школы». Впрочем, не только московской. Оставим пока в стороне Пушкина. Интересно, что в конце 20-х — в начале 30-х годов Е. Баратынский, который, кстати, вовсе не принадлежал к числу «шеллингианцев», создает на ту же тему и приблизительно с той же проблематикой свои стихотворения «Подра-

жателям», «В дни безграничных увлечений», «Болящий дух врачует песнопенье», «Когда исчезнет омраченье» и т. д.⁶⁷.

В поэзии Веневитинова и его поэтических единомышленников поэт становится не только излюбленной темой, но и центральным, всегда положительным героем. Это с особенной полнотой и определенностью выражено в стихотворении Веневитинова — тоже концепционном — «Поэт и друг». Поэт, по Веневитинову, это прежде всего тот человек, которому доступно скрытое и доподлинное в природе и жизни:

Природа не для всех очей
Покров свой тайный подымает:
Мы все равно читаем в ней,
Но кто, читая, понимает?
Лишь тот, кто с юношеских дней
Был пламенным жрецом искусства,
Кто жизни не щадил для чувства,
Венец мученьями купил,
Над суетой вознесся духом
И сердца трепет жадным слухом,
Как вещей голос изловил...

Для Веневитинова в поэзии проявляется вершина человеческого духа и высшие человеческие потенции. Поэт — вполне человек, и он по природе своей философ, которому доступны самые сокровенные тайны. Ведь это ему, «пламенному жрецу искусства», природа «покров свой тайный подымает». Вот что прежде всего определяет высокое назначение поэта и что сделало его в поэзии любознательным первым и всегда положительным героем.

Такая концепция поэта оказывается прямо связанной и с теми просветительскими задачами, которые, как мы знаем, ставили перед собой поэты-любомудры. Поэт — познавший тайные законы природы — не может не рассказать о них людям. И в этом тоже — его призвание и назначение. Веневитинов писал в своей статье «О состоянии просвещения в России»: «...истинные поэты всех народов, всех веков были глубокими мыслителями, были философами и, так сказать, венцом просвещения»⁶⁸.

Уже отмечалось, что не один Веневитинов, но и другие поэты того же направления придерживались сходной философской концепции о месте и роли поэта и поэзии в жизни. Подобно тому, как это было у Веневитинова, и у Хомякова тоже тема поэта оказывается тесно связанной с темой человеческого бытия и осознания человеком его законов. В поэтиче-

⁶⁷ См. об этом в статье Е. Н. Купреяновой: «Баратынский». — История русской литературы, изд. АН СССР, т. 6, М.—Л., 1953, с. 422—423.

⁶⁸ Д. В. Веневитинов. Избранное, изд. «Худ. литература», М., 1956, с. 212.

ском представлении Хомякова, поэт — это тот, кто призван вдохнуть жизнь в мертвую природу:

...Кто даст ей голос?... Луч небесный
На перси смертного упал,
И смертного покров телесный
Жильца бессмертного приял
Он к небу взор возвел спокойный,
И богу гимн в душе возник;
И дал земле он голос стройный,
Творенью мертвому язык. («Поэт», 1827 г.)

Это не повторяет Веневитинова буквально, но это близко ему, близко другим поэтам-любомудрам по самому строю идей. Да и не только любомудрам: сходные мотивы легко найти, например, и у Баратынского. Конечно, степень этой близости может быть различной. Так, у того же Хомякова есть стихотворение на эту тему — «Два часа» — которое отличается как раз оригинальностью мотивов и в известном смысле стоит как бы особняком среди однотемных стихотворений любомудров. Вот мысль этой лирической пьесы, если свести ее к чистым понятиям. Поэт бессмертен, поэт божественен, но он в то же время и трагичен. Его бессмертие — в способности творить новую жизнь; его трагедия — в невозможности всякий раз реально воплотить тот мир, который живет в его воображении:

...Но есть поэту час страданья,
Когда восстанет в тьме ночной
Вся роскошь дивная созданья
Перед задумчивой душой;
Когда в груди его сберется
Мир целый образов и снов,
И новый мир сей к жизни рвется,
Стремится к звукам, просит слов.
Но звуков нет в устах поэта,
Молчит окованный язык,
И луч божественного света
В его виденья не проник.
Вотще он стонет иступленный:
Ему не внимлет Феб скупой,
И гибнет мир новорожденный
В груди бессильной и немой.

Разработка темы здесь весьма оригинальная, но и такая трактовка, такой особенный поворот в теме не отменяет главного: общая концепция поэта и поэтического творчества в этом стихотворении в основе своей та же, что и в других однотемных стихотворениях любомудров.

Нет сомнения, что сходство Пушкина с любомудрами в решении темы поэта и поэзии не могло быть в такой же мере сходством «общей концепции». Не могло быть хотя бы потому, что никакой устойчивой концепции в этом вопросе у Пуш-

кина просто не имелось⁶⁹. Близость Пушкина и Любомудров во взгляде на поэта была не философского, а иного рода. И особенно заметной эта близость становится тогда, когда мы рассматриваем не общемировоззренческий, а исторически-конкретный, современный смысл и значение соответствующих стихов Любомудров.

В 1823 году в своей речи, озаглавленной «О влиянии поэзии и красноречия на счастье гражданских обществ», Шевырев сказал: «Поэт и Оратор побеждает своею силою самое время»⁷⁰.

Еще определеннее сказал о том же Веневитинов: «Художник одушевляет холст и мрамор для того только, чтобы осуществить свое чувство, чтобы убедиться в его силе; поэт искусственным образом переносит себя в борьбу с природою, с судьбою, чтоб в сем противоречии испытать дух свой и гордо провозгласить торжество ума»⁷¹.

Общетеоретические суждения Шевырева и особенно Веневитинова могут служить своеобразным комментарием не только к их собственному творчеству, но и к творчеству их поэтических единомышленников. Приведенные здесь суждения имеют для нас особый интерес. В свете их разработка темы поэта у Любомудров оборачивается еще и новой своей стороной. Тема оказывается одновременно и обобщенно-философской, и вместе с тем очень злободневной. В ней не только вызов миру вообще, но и миру современному особенно; в ней отрицалась и духовно преодолевалась бесчеловечность и бездушие не только надисторического, но и вполне конкретного порядка вещей. Ведь поэт, по Веневитинову, противоборствует и торжествует не над одной природою, но и над судьбою.

Романтическая концепция художника, вознесенного над прозою жизни и противостоящего ей, имела конкретно-исторический смысл и современное, общественное (и отнюдь не реакционное) звучание еще и потому, что объективно она была оппозиционной не в меньшей мере, нежели романтической. Оппозиционной потому, что сознательно или бессознательно она противопоставлялась другой концепции: навязанной извне, официальной, концепции художника зависимого, служащего «обществу» — но служащего не по внутренним

⁶⁹ В свое время Л. Майков, имея в виду стихотворение Пушкина «Поэт и толпа» («Чернь»), справедливо заметил: «...главною ошибкой большинства критиков было то, что они (в числе их, очевидно, и Шевырев) искали в пушкинском стихотворении того, чего и не думал давать автор, именно искали цельной художественной теории...» (Л. Майков. Историко-литературные очерки, Спб., 1895, с. 180).

⁷⁰ Журнал «Вестник Европы», 1823, № 8, с. 262.

⁷¹ Д. В. Веневитинов. Избранное, изд. «Худ. литература», М., 1956, с. 209. (Разрядка в тексте цитаты моя. — Е. М.).

побуждениям, а по строгим предписаниям деспотической власти.

У Пушкина и Любомудров в их стихах о поэте во всяком случае была одна общая почва. Эта почва — русская действительность второй половины 20-х годов, с ее смятением умов, с ее обостренно-трагическим ощущением жизни и истории. В условиях этой действительности с особой силой должна была звучать тема независимого и гордого поэта — как она всегда звучала в русской поэзии в эпохи безвременья и реакции. С особой силой потому, что в те исторические периоды, когда прямая борьба становилась невозможной, она переносилась в область человеческого духа, и здесь, в области духа, поэт и поэзия, самый мир поэзии противопоставлялись жестокой и фатальной трагедийности истории.

Не сходство философских концепций, а реальный, общественный смысл, который заключался в самой трактовке темы поэта романтиками-любомудрами, и приближал к ним Пушкина больше всего и естественнее всего. При этом, конечно, к своему решению темы поэта — как и ко всему другому — Пушкин пришел не потому, что попал «под влияние» Любомудров, и не потому, что у них были общие литературные источники. Общность Пушкина и Любомудров ни в чем не означала общих источников и общих предпосылок. Они пришли к сходному разными путями, и жизнь показала, что и в дальнейшем их пути заметно разойдутся. Но на какое-то время их дороги пересеклись, и вот на этом пересечении и был заключен союз. Не союз, который был продиктован литературной политикой или соображениями мелкой «тактической» выгоды, а союз прямой, открытый, исполненный честных и добрых намерений с обеих сторон.

Во всем, о чем здесь говорилось, нас интересовали прежде всего точки сближения Пушкина и Любомудров. Поскольку речь шла о журнале, первоначально основанном на союзе, для такого подхода имелись все основания. Это не значит, однако, что вопрос о расхождениях Пушкина и литераторов московской школы — вопрос сам по себе второстепенный. Если для выяснения исторического места и значения журнала «Московский Вестник» важно было раньше всего рассмотреть то, что привело к созданию журнала на некоей общей основе, рассмотреть, что именно сблизило — пусть даже и временно — Пушкина и Любомудров, то для уяснения будущих судеб русской поэзии (и русской литературы в целом) несомненно важнее то, что разъединяло их. Ибо главное, что их разъединяло — и чем дальше, тем больше, и уже не их самих только, а целые литературные направления, с ними связанные, — это вопросы творческие, вопросы художественного метода. Но это уже предмет для особого разговора.

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ им. С. М. КИРОВА

КАФЕДРА ЛИТЕРАТУРЫ

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

ПСКОВ

1968